

Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Функционалистское или же предложенное у нас С.А.Арутюновым (а за рубежом К.Дойчем) различие по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях тотальной информатизации тоже не работает. Как не срабатывает и широко представленная в зарубежных исследованиях апелляция к «особому менталитету», «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни тем более между нациями и этносами. Иначе говоря, оставаясь в пределах какого-либо одного — натуралистического, атрибутивного или субъективно-символического² — подхода, точно позиционировать понятия «этноса» и «нации» нельзя.

Получается, что «нация» — категория конвенциональная. Не случайно еще в первой половине и середине XX в. некоторые исследователи (П.Сорокин, Э.Карр, Г.Кон, Х.Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры».

Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 г. британскому обществоведо Эрнесту Гелнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В дальнейшем этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Бенедикта Андерсона, К.Дойча, Энтони Д.Смита, Майкла Шадсона, Э.Эриксона и некоторых других зарубежных авторов³.

В современной России первым активным пропагандистом идеи «нации-государства» был директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков. Справедливо обратив внимание на колоссальный разброс мнений в пони-

мании ключевых дефиниций, он вообще усомнился в научности части категориального аппарата, много лет используемого отечественными этнологами, антропологами, политологами и социальными философами. Поскольку, дескать, этот аппарат разрабатывался не с сугубо научными, а с политическими целями: был средством теоретического оправдания практики устройства СССР по этнонациональному принципу.

Следствием этого стало проникновение в науку схоластики и «паранаучных построений» о «подразделениях этноса», «субэтносах», «суперэтносах», «нациях», «микронациях» и ряда других. «Большинство из этих категорий, — отмечал Тишков, — с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан»⁴. По мнению уважаемого ученого, в этом в значительной мере виноваты философы, чьи интеллектуальные усилия направлены «исключительно на концептуальный уровень (метадискурс), на формулирование и оперирование такими глобальными категориями, как *цивилизация, общество, стадия развития, народ, нация, национальный характер...*» и рядом других⁵. Эти категории, считает автор, до сих пор продолжают доминировать в этнологии и социально-культурной антропологии, мешая им выйти на стезю подлинно научного исследования.

Вряд ли стоит полемизировать о значимости философских категорий для наук социогуманитарного цикла: их теоретическая и методологическая ценность подтверждена многовековой историей развития научного знания. Между тем факт остается фактом: современный теоретический дискурс крайне противоречив и растащен по разным дисциплинарным «квартирам». Отечественное и зарубежное общественное знание демонстрирует такой плюрализм подходов и точек зрения, синтезировать которые в какую-то одну теоретическую междисциплинарную модель эволюции «этносов» и «наций»

крайне проблематично. Но можно попытаться, проанализировав содержание современных дискуссий, выяснить, почему они так и не завершились научным консенсусом и выработкой общепринятого содержания исходных научных дефиниций. И здесь, по моему мнению, без философии и методологии науки не обойтись.

Помимо сложности, историчности объектов исследования и имманентной любому научному знанию «предметности», в силу которой «этнос» и «нации» выступают для ученых не как некая феноменальная данность, а как теоретические объекты дисциплинарных (этнологических, социологических, антропологических и др.) «онтологий», одной из главных причин не прекращающейся теоретической полемики является то, что авторы и адепты заявленных в литературе концепций этносов, наций и национальных государств неявно придерживаются разных исследовательских парадигм. И, что не менее принципиально, — разных философских воззрений на процесс познания этнической и национальной истории человечества, как, впрочем, и на весь исторический процесс. Можно даже усилить этот тезис, заявив, что многие наши этнологи, антропологи, этнопсихологи и отчасти социологи просто не рефлексируют над философскими основаниями и парадигмами собственной профессиональной деятельности. И это, вкуче с философским и методологическим плюрализмом, в свою очередь, характерным для западноевропейского и североамериканского теоретического дискурса, определило предмет настоящего исследования: анализ философских и парадигмальных оснований современных, зачастую альтернативных, теорий формирования и эволюции этносов, наций, национальных государств и федерализма⁶. Уточнение и пересмотр которых (т.е. оснований) открывает, по мнению автора, возможность плодотворного междисциплинарного синтеза содержания основных категорий, используемых специалистами, и соответственно — решение некоторых значимых теоретических проблем этнологии, социальной, культурной антропологии,

политологии, других наук, в той степени, в какой они изучают этногенез, формирование и эволюцию наций и национальных государств.

В соответствии с этой целью первая глава монографии посвящена экспликации философских и методологических оснований конкурирующих в социальных науках концепций происхождения и эволюции этносов и наций, их типологии и последующему сравнительному анализу. Результаты которого могут, по мнению автора, стать основой междисциплинарного — социально-философского — синтеза, позволяющего выработать и предложить приемлемое для большинства специалистов-предметников понимание ключевых дефиниций этнологии и теории наций и национального государства.

Использование обновленного категориального аппарата, исследование с его помощью во второй главе книги исторических форм национальных государств, способов их становления и особенностей формирования основных европейских наций на фоне отечественной истории позволяют найти пути решения ключевых для России проблем: формирования общенациональной (надэтнической) российской идентичности и совершенствования российского федерализма на основе концепции «нации-государства».

Эти проблемы исследуются в третьей, заключительной, части монографии.

ГЛАВА I. «НАЦИЯ» И «ЭТНОС»

Эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII – начала XX столетий

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного – общепринятого – содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски которого можно найти во многих профессиональных и околонучных текстах.

Термины «этнос» и «нация» восходят к разным языкам и имеют разную историко-научную «судьбу». Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине XIX столетия, то «нация» (от лат. *patio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи образованные на ее территории христианские королевства и народности, формировавшиеся в раннем средневековье, переняли вместе с латинским языком (языком ученых и духовенства) и дихотомическое употребление двух слов: *patio* и *gens* – для обозначения «цивилизованных» («христианских») народов и «варваров» («язычников»). Многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (обитатели Иль де Франс, Пуату, нормандцы, бургунды,

лотаринги, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя «нациями», по сути не будучи таковыми. Например, в акте коронации Оттона III (995 г.) говорится о том, что коронация имела место с согласия не германской нации, а римлян, франков, баваров, саксов, эльзасцев, швабов и лотарингов⁷.

В позднем средневековье *natio* наполняется новым содержанием. Хотя в хрониках и документах отдельные народы и народности по-прежнему именуется нациями, этот термин примерно с XV в. приобретает и иное, близкое современному, значение: речь уже идет о «германской нации». Постепенно и одновременно нарастает полисемантизм словоупотребления. Так в средневековых университетах говорят о нациях, понимая под ними студенческие корпорации, то есть своего рода землячества. Студенты были разделены на «*nationes*» по совершенно произвольному принципу. В Пражском университете, например, было четыре «нации»: чешская (богемская), саксонская, баварская и польская, причем немецкие студенты составляли во всех нациях, кроме чешской, большинство.

Даже церковные соборы, как отмечают исследователи, расчленились на «*nations*». На Констанцском соборе (1414–1418), например, все присутствующие были разбиты на четыре нации: итальянцев, французов, англичан и немцев, чтобы помешать численно превосходящим итальянцам получить перевес при голосовании. К «*Natio germanica*» на Констанцском соборе принадлежали также поляки, шведы, чехи, далматинцы и другие народы. На «нации» разделялись и религиозные ордена (мальтийский и иезуитский), и купеческие союзы, и многие другие корпоративные организации. «При этом, — отмечает Ю.Хабермас, — приписываемое другим национальное происхождение с самого начала связывалось с негативным отграничением Чужого от Своего»⁸.

Таким образом, даже в первом приближении краткий обзор поля употребления слова «нация» в раннем и позднем средневековье свидетельствует о том, что содержание этого

термина разительно отличалось от его современных значений. Будучи первоначально используемым для обозначения христианских народов и народностей, *Natio* в позднем средневековье и эпоху Возрождения преимущественно употреблялось уже как термин, содержащий корпоративно-организационный смысл. По замечанию Г.Циглера, в XII–XV вв. «*Natio* – это целевой союз, местная, административно определенная подгруппа, как фракция, управленческая единица и т.п. Это слово никоим образом не имеет всей полноты значения в качестве представительного политического подразделения. Оно не обозначает какой-либо заданной формы общности, не содержит указания на основополагающую линию социальной связи или разделения»⁹.

Это, разумеется, не случайно, ибо язык всегда социально обусловлен и референтен. Будучи отображениями структур внешней человеку природной и социальной реальности, слова и выражения, в свою очередь, «погружены» в реальность человеческого (социокультурного) бытия и таким образом зависимы от его структурных связей. Проще говоря, эволюция значения термина «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством – разделением на многочисленные феодальные государства. Последние, в силу феодальной раздробленности, не только не способствовали интеграции проживающих на их территориях многочисленных этносов и этнических групп в устойчивые социально-политические образования, объединенные общностью языка, культуры, политической и хозяйственной жизни, а, наоборот, препятствовали такой – национальной – интеграции. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом в сфере экономики к капиталистическому способу производства материальных благ (в другой терминологии – к «индустриальному обществу»), а в сфере политики – с процессом формирования в Европе

крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные этносы и этнические группы в относительно культурно и политически гомогенные общности, названные потом «нациями» («народами»).

На уровне идеологической самоидентификации социальных групп этот процесс, занявший не одно столетие, в частности, выразился в противопоставлении термина «нация» понятию «народ». Сначала аристократия, дворянство и духовенство, а затем и так называемое «третье сословие» стали претендовать на исключительное право именовать себя «нацией». Так в 1758 г. один из представителей третьего сословия объявил неподобающим, чтобы торговцев, финансистов, юристов, писателей и людей искусства причисляли к «народу». По его мнению, они принадлежали скорее к более высоким слоям «нации». А в прославленном сочинении аббата Сиейса «Что такое третье сословие?» буржуазия уже без всяких оговорок провозглашалась нацией¹⁰. Это означало, что нация может существовать, лишь избавившись от короля, клерикальной и светской знати, установив демократическую власть буржуазии — «лучшей» части «народа», выражающей его интересы и от его лица отправляющей власть.

Не трудно заметить, что такая — сословно-классовая — интерпретация термина была заведомо ограниченной и даже противоречила ключевым политическим идеям Нового времени и эпохи Просвещения — «народного суверенитета» и «правового государства», основанного на «естественных» правах «человека», вне зависимости от его сословной и классовой принадлежности. Более того. Такая трактовка почти не имела точек соприкосновения с наукой XVII—XVIII вв., в которой под влиянием открытий в астрономии, физике, химии, биологии, колониального освоения новых земель и континентов постепенно утверждались идеи сначала естественного, а затем и социально-исторического эволюционизма. В противоположность библейско-церковной креаци-

онистской догме о неизменности всего, что возникло в акте божественного творения, в сознании естествоиспытателей и социальных мыслителей формировался новый взгляд на историю человечества как взаимосвязанное развитие народов от простого ко все более сложному.

Разумеется, научно фундированного представления об объективной коэволюции природы и человечества в те времена не было. Как не было и большинства общественных наук (антропологии, социологии, социальной психологии, этнографии, исторической лингвистики и др.), предметно и специально (специальными методами) исследующих этническую и национальную проблематику. Понятийный аппарат этих дисциплин был в основном сформирован в XIX столетии. А первоначально категории общественных наук развивались в лоне социальной и политической философии XVII–XVIII вв. которые, используя материалы хронистов и историков древнего мира, достижения географов, врачей и биологов, пытались объяснить историю человечества как эволюцию древних и «новых» народов к цивилизованному состоянию влиянием объективных и субъективных групп факторов: «географической среды», «крови», «языка», «экономических условий жизни» и «государства». При этом в подавляющем большинстве сочинений того времени термины «народ» и «нация» использовались в качестве синонимов, а термин «этнос» вообще не употреблялся.

Учитывая эти обстоятельства, можно выделить по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII вв. исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): натуралистический, антропологический (в его культурной и естественнонаучной версиях), социоэкономический и политический, которые, в свою очередь, тяготели к двум философским позициям — материализма и идеализма¹¹.

Натуралистический подход. Его появлению и конституированию (в качестве особой теоретической позиции) способствовали великие географические открытия, бурное раз-

витие торговли и эмпирического естествознания, в результате которых знания о жизни народов Востока, Африки и Америки обогатились новыми данными. Пожалуй, первым европейским мыслителем, указавшим на необходимость учитывать влияние природы (географической среды) на развитие общества, был выдающийся французский философ позднего Возрождения *Жан Боден* (1530–1596). Развивая идею о суверенитете монарха, который, по его мнению, гарантирует гражданам защиту их собственности, он вместе с тем обратил внимание на различия в «национальном характере» отдельных народов. Эти различия, считал Боден, зависят от климатических и иных природных условий.

Спустя более 150 лет, сходные мысли, но гораздо более резко и развернуто, высказал известный политический мыслитель Франции *Шарль Монтескье* в своем знаменитом сочинении «Дух законов». Рассматривая условия, при которых возникает та или иная форма правления, Монтескье устанавливает ее тесную зависимость от природных условий страны. Прежде всего, он, вслед за Боденом, резко противопоставляет друг другу северные и южные народы, определяя противоположность их «характера» различием климатических условий, в которых они живут. Народы севера энергичны, воинственны, храбры и свободолюбивы. Народы, населяющие южные страны, напротив, ленивы, робки, изнежены, покорны и порочны. Климат, по Монтескье, оказывает огромное влияние на чувства, воображение и ум, а следовательно, на нравы, быт, религию и законы народов. Таким путем писатель устанавливает, например, прямую причинную зависимость индусского учения о нирване от жаркого климата Индии, расслабляющего, будто бы, умственные способности и вызывающего желание покоя, небытия. Таким же образом он связывает с климатом многоженство, монашество и рабство в южных странах.

В конечном счете переход народов в цивилизованное состояние с характерным для такового государственным устройством различного типа Монтескье связывает с психи-